

А. И.
КУПРИН

Избранное

Киевские типы

Александр Куприн

Художник

«Public Domain»

1896

Куприн А. И.

Художник / А. И. Куприн — «Public Domain», 1896 — (Киевские типы)

«Влечение к „святому искусству“ почувствовал весьма рано. В самом нежном детстве разрисовывал углем заборы, вследствие чего бывал нередко таскаем за уши местным „будочником“...»

Александр Иванович Куприн Художник

Влечение к «святому искусству» почувствовал весьма рано. В самом нежном детстве рисовывал углем заборы, вследствие чего бывал нередко таскаем за уши местным «будочником».

Потом растирал краски в «ателье» лаврского маляра. Своею бойкостью обратил на себя внимание заезжей помещицы-филантропки и был на ее средства отправлен обучаться живописи.

Просидев на первом курсе училища четыре года, разошелся во мнениях с профессорами и вернулся в Киев, где и возлег с подобающим почетом в лоне местных талантов.

Взгляды свои на искусство исповедует коротко, определенно и отрывисто:

– Рафаэль – младенец... Головки с бонбоньерок... Пасхальные херувимы... Микельанджело тоже... Рибейра, Сальватор Роза, Вандик, Тициан, фламандцы и французы, итальянцы и немцы – все они пачкуны и кисляи... Живопись вывесок... Рембрандт еще туда-сюда, но и тот... Будущее принадлежит нынешней молодежи «с настроением».

Про современников отзывается неодобрительно:

– Профессора ничего не понимают. Старье, рухлядь, развалины... Унижают искусство... Я с ними расплевался... Айвазовский пишет подносы. Клевер яичницу с луком... Шишкин – колоссальная бездарность... «Передвижники» – это генералы, насильно захватившие гегемонию... Глядеть совестно... Блины какие-то, а не картины... Нет-с. Не из Петербурга и не из Москвы, а из Киева воссияет свет истинного искусства.

– Мы – импрессионисты! – восклицает он в артистическом задоре и на этом основании пишет снег фиолетовым цветом, собаку – розовым, улы на пчельнике и траву – лиловым, а небо – зеленым, пройдясь заодно зеленой краской и по голове кладбищенского сторожа.

На выставку киевский художник посылает исключительно пейзажи, уморительные пейзажи, где на первом плане торчат цветы ромашки с чайное блюдечко величиною, а непосредственно за ромашкой виднеется микроскопический Днепр с неизбежным пароходом.

Киевский художник – исключительно пейзажист. О рисунке и перспективе он знает только понаслышке из десятых уст, а пейзаж всегда можно писать теми сочными, небрежными и размашистыми мазками, которые служат несомненными признаками оригинального таланта. Если же посетитель и встретит случайно на выставке жанр или портрет, то долго стоит перед ним в недоумении, пока не решит, что это, должно быть, одна из загадочных картин: «Куда делась собака колбасника?» или «Где здесь Наполеон?».

Однако публика изредка покупает эти «апрельские утра» и «зимние вечера». Я долго удивлялся: чем руководствуются при своих покупках эти меценаты, и, наконец, решился допросить об этом одного из них, только что купившего за десять рублей полторааршинный «Разлив Днепра».

– Видите ли, батенька, – отвечал добродушно меценат, толстый конотопский помещик, – первое дело: рамка довольно приличная, а второе – это все-таки не олеография, а масляная краска... Пусть висит себе над диваном в гостиной... Кто же ее будет разглядывать-то? А вид все-таки комнате придает...

Как только картина приобретена, художник немедленно спекулирует на ее успех и в тот же вечер при лампе пишет к ней «панданчик». Оставляя фон нетронутым, передний план чуть-чуть изменяет: там, где были скамейки, ставит камень, а на месте камня пишет скамейку.

Любит выставить «этюды». Этюдом у него называется деревянная дощечка вершков трех в квадрате по ней в длину два мазка: голубой – небо и зеленый земля.

– Этуд художника – это все равно, что черновая рукопись Пушкина! – кричит он вдохновенно. – Сокровище!.. Исторический документ!.. В нем видно «настроение», виден «момент», выхваченный из природы, видно, как душа выливалась и как отразился мир в творческих глазах!

Справедливость требует заметить, что все эти излияния и моменты «с настроением», все эти исторические документы отправляются обыкновенно с выставки полностью на квартиру художника, где «творческие глаза» могут их созерцать вплоть до следующей выставки.

Киевские художники разделились по крайности десятка на два или на три групп. Есть между ними общество «осенников», общество «весенников», «декабристов», «независимых» и так далее. Некоторые товарищества состоят всего-навсего из двух человек, между которыми все-таки существует трогательное согласие в том, что художники прочих групп – маляры и бездарности. Так же крепко они уверены, что солнце искусства взойдет непременно с их палитр.

Средства к существованию киевский художник добывает писанием образов по заказу киевских монастырей и в этом отношении так наловчился, что любого святого может нарисовать с закрытыми глазами.

Беспечного веселья, шума, артистических проказ, талантливых и остроумных шалостей – нет в мастерских киевских художников. В них господствует самое кислое уныние, винт «по маленькой», профессиональное злоязычие и услаждение своих самолюбий.

– Помните вы мои «Барки в дождь»? Каков колорит? – «Да, удивительный колорит». – А каковы дали в моем «Китаеве»? – «Чудные дали». – А мои «Караваевские дачи»? – Ну-ка, пусть попытаются академисты передать эти эффекты осеннего заката. – «Куда им, этим неряхам, этим ходульным малярам!»

Надо в конце оговориться. Двое или трое художников вырвались из этой инертной, бездарной среды, и теперь имена их известны всей России.